

Оглавление

- Глава 1* Дом 7
- Глава 2* Плохие привычки 9
- Глава 3* Камни и палки 19
- Глава 4* Чему я научилась в первом классе 44
- Глава 5* Честные люди 50
- Глава 6* Кофе со сливками 65
- Глава 7* План «Б» — для слабаков 72
- Глава 8* Черный, белый и серый 96
- Глава 9* Мастерская вместо мастеров 111
- Глава 10* Карма умеет ждать 135
- Глава 11* Легко сказать 148

- Глава 12* Искусство войны 171
- Глава 13* Немного левее 182
- Глава 14* Верность тебя не спасет 202
- Глава 15* Одно печенье за раз 210
- Глава 16* У пожарных нет пистолетов 229
- Глава 17* Чем больнее падать, тем выше взлетишь 236
- Глава 18* Что я имею в виду 256
- Глава 19* Сама себе водопроводчик 263
- Глава 20* Вниз по течению 287
- Глава 21* Склейте меня обратно 296
- Глава 22* Прямо в цель 316
- Глава 23* Ползком к финишной черте 330
- Глава 24* Ты построила этот чертов дом 348
- Благодарности 356

Глава 1

ДОМ

Крепкий и надежный, наш дом твердо стоит на земле. Для нас — для меня и моих четверых детей — это чудо, столь же поразительное, как древний Колизей. Это наш дом в самом буквальном смысле слова. Мы построили его. Каждый гвоздь, каждый лист фанеры, каждая плашка паркета в нем прошли через наши руки. Мы передавали друг другу материалы, перекладывали их с места на место, устанавливали, отдирали и ставили заново. Нередко мы царапались о бетон и дерево или цеплялись волосами, и наши ДНК остались запечатанными в этих в стенах. Иногда занозы и металлические стружки впились нам под кожу. Такие частицы дома навсегда застряли в моей ладони и глубоко ушли в левую голень. Дом связал нас всех вместе болезненным и тугим узлом, и мы стали единым, неделимым целым.

Идея построить дом родилась у меня не от скуки, это был единственный способ восстановить мою расколовшуюся семью, приходившую в себя после столкновения с психической болезнью и физическим насилием. Оставить позади тяготы прошлого оказалось сложнее, чем мы предполагали.

Я искала какую-нибудь общую цель, которая связала бы нас вместе, что-то осмысленное, большое и значимое. Нам негде было жить, и одним осенним вечером я представила себе, как мы работаем вместе, строя собственный дом, собирая маленькие детали и скрепляя их вместе, пока они не превратятся в нечто большее, чем мы сами. На следующий день я обсудила идею с тремя старшими детьми, и мы решили взяться за дело.

Я еще не знала, как монтировать двери и окна, как прокладывать в стенах трубы и провода, как рисовать чертежи и получать разрешения. Но я знала моих детей, и я знала, что нам это нужно.

Мы думали, что, если будем воспринимать строительство как возрождение нашей семьи, эта красивая метафора сделает легче и то, и другое. Мы верили, что мы на самом дне, а потому нам остается двигаться только вверх. Мы воображали, что будем чувствовать себя большими и сильными, справляясь с таким трудным делом.

Мы ошибались по всем пунктам.

Ничто не заставляет человека чувствовать себя слабее и беспомощнее, чем попытка справиться с задачей, сложность которой в тысячу раз превосходит его силы. Год, когда мы строили дом и восстанавливали семью после пережитого насилия, оказался самым тяжелым в нашей жизни. Мы понятия не имели, что такое дно, пока не достигли его в попытках добраться до вершины.

Но все же, доска за доской, мы закончили постройку. И когда мы это сделали, мы наконец обрели свой дом.

Глава 2

Плохие привычки

Мне было девятнадцать, и я уже полтора года как вышла замуж, когда родился мой первый ребенок, дочка Хоуп. Стоило мне взять ее на руки, и я поняла, что сделаю все, чтобы дать ей семью, в которой есть мама и папа. Мои собственные родители давно развелись, и я знала, как рухнет при этом мир ребенка. Неудивительно, что годы спустя, уже с тремя детьми-погодками, когда мой первый школьный возлюбленный бросил меня, стал военным и уехал покорять мир, я снова вышла замуж. Но вот когда я с трудом сбежала от Адама, заболевшего шизофренией, и вскоре вышла за Мэтта, люди изумились.

Для кого-то тройка — это счастливое число. Но для других, особенно твердолобых, три раза — это ровно столько, сколько им нужно повторить, чтобы они выучили урок.

Мэтт был моложе меня, но сказал, что готов стать отцом моим детям — троим на тот момент — и завести со мной еще детей. Он имел склонность к контролю и манипулированию и начал проявлять жестокость уже через несколько месяцев после свадьбы.

У него всегда находилась убедительная причина так себя вести, и она всегда была связана с тем, что я что-то делала неправильно. Но даже после того, как он начал крепко выпивать и экспериментировать с наркотиками, я считала, что ситуация наладится, что мы сможем быть счастливы и что золотая курочка не снесла для меня очередное тухлое яичко.

Каждый вечер я ложилась спать, ожидая, что проснусь и услышу его извинения, увижу счастливую семью и параллельный мир.

Но вместо этого меня будил звук его дыхания, неровный, хриплый, всего в пятнадцати сантиметрах от моего лица. Он втягивал каждый глоток воздуха сквозь зубы, а затем так же выталкивал его наружу. «Фи» шипел он на вдохе и «Фа» на выдохе. Сколько раз я слышала эти звуки? Слишком часто. Но мне было мало. И вот в очередной раз я лежала в постели, рука Мэтта все еще сжимала меня за горло, его перегар щипал глаза, и этот ритмичный звук разбудил меня незадолго до того, как я почувствовала, что его правая рука обхватила мою шею снизу, а левая сомкнулась сверху.

У этого будильника нет кнопки выключения. «Фи-фа. Фи-фа. Фи-фа».

Мое сердце отбивало дюжину ударов с каждым яростным вдохом. Мое собственное дыхание стало таким поверхностным, что я задумалась, не прекратила ли я дышать. Возможно, так было бы даже лучше. Он не пережимал мои дыхательные пути. Нет, нет. Он не пытался убить меня, бога ради. Я поняла это только на третий, а может, на четвертый раз. Да и зачем ему меня убивать. Он просто хотел дать мне понять, на что он способен. В любой момент, когда бы он ни захотел, он способен меня убить.

Капелька слюны вылетела у него изо рта и нежно, словно снежинка, приземлилась под моим левым глазом. Он сжал пальцы сильнее. Завтра снова придется надеть водолазку. Постирала ли

я коричневую? Его большие пальцы оставят два идеально симметричных синих овала на левой стороне моей шеи, развернутые, словно крошечные крылья бабочки. Толстые подушечки пальцев оставят следы на другой стороне шеи, и синяк образует длинную неровную линию, больше похожую на очень голодную гусеницу.

Ты узнаёшь, что такое настоящий ужас, не когда в тебя летит кулак во время спора и не когда тебя награждают подзатыльником за проступок. Такие вещи, по крайней мере, можно предвидеть. Настоящий ужас — это ложиться спать, думая, что все хорошо, вечером обычного дня, дня, когда вы смеялись за ужином, а потом смотрели вместе кино, — а потом проснуться от напоминания, что ты могла и не проснуться. Никогда, если он этого захочет.

Его нос и очертания челюсти казались незнакомыми в сумраке, словно его немецкое происхождение было записано чернилами, видимыми только при лунном свете.

Его рыжеватые светлые волосы, остриженные так коротко, словно он готовился к спецоперации, блестели от тонкого слоя пота. Если бы его руки в этот момент были свободны, то он бы провел тыльной стороной руки по голове и напряг бы сильные мускулы челюсти с тем выражением лица, которое когда-то заставило меня сказать: «Ого!» Его брови отбрасывали глубокую тень на глаза, словно он надел черную маску. Я пыталась представить, что его тонкие, рыжегато-желтые ресницы трепещут, что он подмигивает мне, намекая, что все это шутка. Просто розыгрыш. Левая сторона его рта приподнимется в притягательной кривой ухмылке, которая заставляла женщин хотеть его, а мужчин — хотеть быть им.

И словно он читал мои мысли, его рот и правда растянулся в полуулыбке, но в сочетании с напряженным взглядом темных глаз она казалась жестокой, а вовсе не шутливой.

Я замерла. И я надеялась. Я надеялась, что это будет одна из простых ночей, когда все, что ему нужно, — напомнить мне, как хрупка моя жизнь. Даже когда его пальцы сжались, и я поняла, что быстро он не успокоится, что ночь будет длинной, из тех, о которых он потом скажет, что ничего не помнит, даже тогда я на что-то надеялась. В основном на то, что не проснутся дети, мои прекрасные дети — ради них я и продолжала дышать в кольцо его рук.

Мои руки покалывало, мои нервы словно поджаривались на огне от того, как он давил на мою шею. Надежды умирали, и, признавая слабую разницу между надеждой и мечтой — примерно как между выигрышем в казино и в государственной лотерее, — я перешла к мечтам. Я мечтала о том, чтобы он стал таким, каким был всего несколько часов назад. Я мечтала, что смогу ему помочь избавиться от того, что его гнетет. Я мечтала перестать раз за разом проявлять слабость. А спустя три медленных вдоха и выдоха я позволила себе мечту, которую я прогоняла прежде: я мечтала о том, чтобы я могла схватить его за шею и сдавить ее... прямо... вот так.

Мое периферическое зрение начало отказывать, и я проигнорировала чудовищ, которые живут в этой тени, острозубых монстров реальности. Я никогда не смотрела в глаза тому, что на самом деле могло случиться. Его плечи дернулись: отпустить меня или окончательно придушить? На нем была его любимая нежно-голубая футболка, обтягивающая мягкая ткань подчеркивала сильные мышцы. Несколько часов назад я прижималась к ней щекой, запах его одеколona был мягким и приятным, Мэтт притянул меня к себе и обнял за талию. Я почувствовала себя любимой и защищенной. Я почувствовала себя дома.

Монстры реальности вылезли из своих темных щелей и заползли на кровать, шепча правдивые слова, и впервые я поняла, что хочу их выслушать.

Он подскочил и задрал руки над головой, словно вдруг испытал острое желание сделать зарядку. У меня заболел затылок, потому что он вырвал несколько прядей моих длинных кудрявых волос, зацепившихся за ремешок его часов. Некоторое время он нависал надо мной, словно тень Питера Пена, ведь разве могла быть человеком эта темная фигура с широкими плечами, раздавшимися во время игр в бейсбол в университете? Я перестала дышать, чтобы сохранить какую-то долю контроля над происходящим, и у меня так закружилась голова, что шум в ушах от прилившей к сосудам крови был громче его дыхания. Свежий воздух обжег мои легкие, и я неожиданно ощутила все мое остальное тело, которое до этого как будто исчезло.

Я мечтала о словах, объяснениях, обвинениях, о чем-то, что дало бы название происходящему, дало бы ответ на вопрос, почему обычный день превратился в кошмарную ночь. Конечно, водка сыграла свою роль, но дело было не только в ней. Многие люди выпивают понемногу и не хватают своих жен за тонкие шеи, лежа на смятых простынях цвета картона. Что-то было не так с его головой. Спустя столько лет я, наконец, это поняла. И с моей-то головой, судя по моей вере в его способность исправиться, что-то было не так. Но с ним дела обстояли куда хуже.

— Ну все, это последняя соломинка, — сказал он.

Его излюбленное выражение всегда наводило меня на мысли о ледяном лимонаде в высоком бокале с дольками настоящего лимона и старомодной бумажной соломинкой в красную и белую полоску со следами помады. «Ну все, это последняя соломинка». Его руки коснулись висков, пальцы сжались, словно они могли пригладить его короткие волосы, а затем сдавливали голову, пока она, наверное, не разболелась так же, как моя.

Я была так счастлива, что его проклятое «Фи-фа» закончилось, что порадовалась неизбежному возникновению соломинки. Хотя

мой мозг взывал к истине, я знала, что лучше не спрашивать: «Какая еще соломинка? Что конкретно не так?» Потому что он знал ответ не лучше меня. Никто не хочет признавать собственную безумную иррациональную ярость — особенно безумные, иррациональные люди. Я сжала губы. Прикусила язык. Хранила молчание. Я знала, что это лучше, чем извиняться, соглашаться или вообще как-то проявлять себя.

— Не смей рыдать, Кара. Не надо спектаклей. Не изображай жертву. Не. Смей. Рыдать.

Я не плакала годами, если не считать, конечно, наворачнувшуюся на глаза слезу при просмотре душевного фильма. Но тут я все-таки заплакала. Не потому, что я испугалась. Конечно, я была напугана, но не это заставило меня заплакать. Моя шея болела, но мне приходилось и хуже, и я редко плачу просто потому, что что-то болит. Я рожала детей без обезболивающего и делала это так тихо, что доктора пугались за меня. Нет, я оплакивала свою старую мантру, потому что она в конце концов подвела меня. «На самом-то деле он хороший. И я люблю его, — всегда повторяла я себе. — Я люблю его достаточно сильно, чтобы остаться с ним».

Но впервые я больше не любила его. Я не любила его достаточно сильно, чтобы с ним оставаться. Я не ненавидела его, хотя знала, что смогла бы, если бы мне повезло родиться пессимисткой. Вместо этого я не испытывала к нему ничего. Он превратился в большую, бесчувственную черную дыру в моей подкорке. Место, которое даже не болело, если ткнуть в него пальцем.

— Давай поговорим снаружи, — прошептала я, предполагая, что если дети не услышат его воплей, его угроз в этот раз, то они меньше пострадают, меньше будут бояться. А завтра подумают, что я надела водолазку не по необходимости.

Когда мы прошли через гостиную, я покосилась наверх, чтобы проверить, не смотрят ли дети на нас со второго этажа, но никого не увидела. Конечно, он еще не начал орать. Они не знали, что сегодня ночью нужно чего-то бояться. Да и с чего бы? Когда мы смотрели кино, Джада сидела на ковре, оплетая его пальцы ног и лодыжки пряжей, пока он не стал похож на живого ловца снов с перепончатыми ногами. Она заправила пряди своих длинных светлых волос за уши и рассмеялась лукавым смехом одиннадцатилетнего ребенка, который думает, что ему удалось кого-то безнаказанно одурачить. Джада была моей маленькой эльфийкой.

Мы ели вместе мороженое, угощая друг друга, пока капля мороженого не упала на его футболку. Тогда он переоделся в голубую, и я уютно устроилась у него под боком.

Но человек, который вышел вслед за мной, чтобы обсудить какую-то ерунду, был совершенно другим. Он заметил, что я высматриваю детей, и снова задышал сквозь зубы.

Стеклянная дверь с шумом закрылась позади него, и я рухнула в уличное кресло, прежде чем он придумал, что еще со мной сделать. Он стоял молча, неподвижно, как памятник, то ли планируя следующий ход, то ли вспоминая, как и я, что мы делаем на улице посреди ночи.

Запах южного воздуха всегда напоминал мне о школе в начале сентября. Я родом из Висконсина и так и не смогла полностью привыкнуть к еде, манерам и привычкам в окрестностях Литл-Рока, хотя я прожила в Арканзасе дольше, чем в любом другом штате.

Херши, мой коричневый лабрадор, выскочила через дверку для собак и стала ходить туда-сюда по крыльцу метрах в трех от нас. Было холодно, но я не обращала внимания на мурашки и представляла себе, как холодный воздух нагревается и шипит от жара в его голове.

Так проявляла себя моя внутренняя оптимистка, делая вид, что прохладный воздух исцеляет безумие. Некоторые люди считают, что оптимистами и пессимистами становятся, но я всегда знала, что все обстоит по-другому. Мы принадлежим к одной из этих партий от рождения и до самой смерти. Партию оптимистов по ошибке считают превосходящей, но нам следовало бы вымереть, как велит Дарвин, еще сотни лет назад. Сколько бы жизнь ни подсказывала нам, что дело идет к апокалипсису, мы находим причины задержаться, надеясь и мечтая, в то время как более приспособленный к выживанию пессимист принял бы мудрое решение бежать. Бежать, словно тебя черти гонят.

— На ноги свои посмотри, — сказал он, скривившись от отвращения.

Я подтянула колени к груди и потерла ноги руками, чтобы казалось, будто я их согреваю, но при этом не казалось, что я жалуясь на холод. А потом я спрятала их под подолом моей короткой ночной рубашки. У его матери был женственный шестой размер ноги. Она могла примерять изящные туфли с витрины, пока я перерывала горы коробок в поисках восьмого размера, хотя на самом деле чувствовала себя удобно в девятом*. Мне не нужно было смотреть на свои ноги, чтобы знать, насколько они уродливы.

— Ведь ты знаешь, как я пашу. И никто этого не ценит. Знаешь ведь, да? — Он снова стиснул руками виски, убрал руки и опять надавил, в ритм своему дыханию — убрал на вдохе, надавил на выдохе. — Прекрати. Ты должна перестать меня злить!

* Американский шестой размер обуви — это российский тридцать пятый или тридцать шестой. Восьмой — это тридцать седьмой с половиной, а девятый соответствует российскому тридцать девятому. *Здесь и далее прим. перев.*

Он махнул рукой в сторону моей собаки, которая продолжала суетиться, поджимая хвост так, что он почти волочился по сухой осенней траве. Я представила себе, что за ней остается огненный след, и я никак не могла вспомнить, из какой это сказки. Или там была лиса? Тигр? Тигр с хвостом.

Но он говорил не о собаке. Она оставалась для него невидимой, чего и добивалась. Он говорил об идеях, которые пьянили его не хуже водки. Они были Большими. Всегда большими. Маленькие и средние идеи он оставлял другим людям. Людям вроде меня.

— Я понимаю, как тебе тяжело.

За тоской в его взгляде скрывалось бешенство. Я представляла себе беспокойные нейроны, вспыхивающие внутри его мозга, и почти понимала, почему он каждые несколько месяцев топил их в водке.

Я придерживалась стандартного сценария:

— Может быть, тебе поменять работу. Посвятить себя чему-то новому.

Я махнула рукой, как и он, в сторону пустынного поля и леса за ним, хотя оттуда на нас могли смотреть только комары, которых не пугали мечущиеся в темноте летучие мыши.

— Проклятье! — он запрокинул голову. — Че-е-е-рт! — он растянул слово, длинное, длинное, словно песня звездам. — Обычная работа не для меня. Мне она никогда не подходила. Такая работа для моего отца.

Он трижды ткнул мне в грудь пальцем и на несколько ударов сердца, прищурившись, сосредоточился на ней:

— Тебе нужно снова попробовать принимать эти таблетки. Может, тебя тошнило от чего-то другого. Ты видела жену Шона? Ее сиськи выросли как минимум на размер.

Он помассировал в воздухе воображаемые груди, словно подходящее удобрение поможет им вырасти, как паре здоровенных баклажанов.

— Я попробую еще раз, — ответила я, как будто не выкинула розовые таблетки, которые он заказал в Chest Success, чтобы усовершенствовать мою неудачную грудь. В упаковке оказался подарочный пузырек духов с феромонами, украшенный изображением женщины, которая не нуждалась в таблетках для груди и явно не носила платьев размером больше носового платка. Наверное, она родилась без волос на теле и, несомненно, покупала обувь шестого размера. — Может, нам поспать? Я завтра утром провожу совещание по программному обеспечению. Мне нужно быть в форме.

Я встала, улыбаясь, хотя он не улыбался, а затем обошла его и подошла к двери, держа руку за спиной, надеясь, мечтая, молясь, чтобы он взял меня за руку и прошел за мной в дом.

Он взял меня за руку и использовал ее как точку опоры, рычаг, чтобы швырнуть меня об стену. Крыльцо было обито сайдингом, а это лучше, чем кирпичные стены в остальном доме. Вот что я себе сказала, поворачиваясь боком, чтобы при следующем ударе врезаться в стену бедром. Это была привычка, которую я завела во время беременности. Каждый раз, когда тебя толкают в стену, защищай живот, защищай ребенка. Теперь я не носила ребенка, и синяки на животе получились бы куда меньше, чем на бедре, но от старых привычек сложно избавиться.

Глава 19

Сама себе водопроводчик

В пятницу после работы мы с Романом отправились в хозяйственный магазин, где стройный мужчина в футболке с надписью «Где Волли сейчас?» и такими большими тоннелями в ушах, что в них можно было закинуть мячики, обратился ко мне:

— Вам чем-нибудь помочь? — он снисходительно посмотрел на мой планшет, прищурился в ответ на мои объяснения, посмотрел куда-то через мое плечо и наконец предложил: — Думаю, будет проще, если вы пришлете вашего мастера, чтобы он сделал заказ. Либо он может сделать это по телефону, а вы заберете товары, — он улыбнулся и, я не шучу, похлопал меня по плечу.

Я помахала своим разрешением на проведение водопроводных работ и показала на свою подпись возле пунктира.

— Я сама себе водопроводчик, — это я ему уже говорила, но по очевидным причинам — одной из которых был Роман, пронизывающий прядь моих волос через колечки Froot Loops для завтраков, — он упустил этот момент из виду.

— Уэйн! — закричал он, призывая кого-то с другого конца магазина и тараща глаза со знакомым мне выражением лица: о господи, спаси меня от этой сумасшедшей женщины.

Уэйн, как выяснилось, по характеру напоминал школьного учителя на пенсии, и его нисколько не впечатлило, что я сама строю собственный дом. Он поправлял меня, когда я использовала неправильные термины.

— Нет, золотце, это муфта, понимаете? — и он перечеркал весь мой список. — Это вам не нужно. А вот тут надо все очень точно подсчитать. Понимаете? — наконец, он глубоко вздохнул и признался: — Послушайте, нам тут не разрешают помогать покупателям составлять списки покупок, потому что купленное нельзя будет вернуть. Все, что вы купили, останется вашим. Понимаете?

Я кивнула, надеясь, что это не конец лекции.

— Но вот что я могу сделать. Я могу сказать вам, что бы я купил, если бы это был мой дом, а вы можете кивать, если наши идеи совпадают. Понимаете?

Я кивнула гораздо энергичнее, подавляя желание его обнять.

— У вас два душа. Я бы проложил металлопластиковые трубы внутри, а на выходе установил бы медные. Пока не кивайте, — он потряс толстым грязным пальцем. — Я не закончил. Еще бы я купил по переходнику к каждому смесителю. У вас бы тогда получилось пять переходников, считая кухню, ванную, гараж и два душа. И еще у вас три туалета. Я бы купил медные трубы для всей разводки, которая будет на виду, и еще переходники. Разве вы не поступили бы так же?

Я кивнула.

Он засмеялся:

— Ага. Вы меня поняли! О, кстати, что у вас с внешними кранами? Чтобы поливать цветы и все такое. Сколько их у вас?

Я прикусила щеку изнутри, пытаюсь вспомнить, обсуждали ли мы их вообще, почти уверенная, что нет.

— Два, — сказала я. — Я запланировала два.

Уэйн рассказал мне, что бы он выбрал, а я кивнула, подтверждая, что именно это я бы и использовала. Какое совпадение.

Я загрузила красные и белые гибкие металлопластиковые трубы, свернутые в мотки размером с хулахуп, в багажник. Красные для горячей воды, белые для холодной. К ним я добавила коричневые бумажные пакеты, набитые переходниками, муфтами, затычками, патрубками, тройниками, обжимными кольцами и обжимными щипцами двух размеров, которые напоминали гигантские пассатижи, а также множество других вещей, с которыми я точно не управляюсь без помощи Google.

Тот чертеж, что мы набросали вместе с Дрю, на котором холодная вода шла вверх, а горячая — вниз, возможно, был еще более примитивен, чем я думала.

У кассы Уэйн похлопал меня по спине:

— Если у вас возникнут какие-то проблемы, просто позвоните мне. Понятно? — он от души рассмеялся. — Я шучу. Удачи со всем этим. Вы справитесь, если просто вспомните все, что я сказал.

Я поблагодарила его и быстро пошла к машине, пытаюсь вспомнить каждое его слово. Роман лазал по креслам в машине, играя то ли в космический полет, то ли в прорвавшийся водопровод, пока я быстро делала заметки, более или менее точно воспроизводя то, что я назвала про себя «Водопроводной лекцией Уэйна». Мне следовало записать ее на диктофон.

Если в магазине у меня было такое же лицо, как у Дрю, когда я рассказала ему все про инструменты, монтаж, обжим, переходники и опоры для труб, то мне сложно понять, как Уэйну или «Волли» удалось удержаться от смеха.

Мы начали прокладывать трубы в выходные. И несмотря на то что время от времени мы путались, куда крепить какую трубу, и на несколько мест, где почти невозможно было обжать трубу, проходившие между этажами, это заняло у нас удивительно мало времени. Все оказалось не так уж сложно, и, действительно, главное было проложить белую трубу по всему дому и поднять наверх, а красную трубу проложить параллельно белой и опустить вниз — ну, приблизительно так. Мы крепили медный фитинг, выходящий из стен, с помощью специальных огромных щипцов, а когда позже мы устанавливали бытовую технику и тому подобное, мы либо спаивали детали вместе, либо сажали их с натягом.

Хоуп ходила за нами с молотком и поясом для инструментов, набитым серыми пластиковыми полукольцами, в которые уже были продеты гвозди. «Они немного похожи на серьги», — сказала она, приложив пару к ушам. Двумя ударами молотка она наживляла их, чтобы трубы шли аккуратными прямыми линиями, которые не будут дергаться, когда мы начнем включать и выключать воду. И что еще важнее, трубы не будут вплотную примыкать к гипсокартону, который легко пробить гвоздями. Металлопластиковые трубы довольно прочные, но их куда легче случайно пробить, чем медь или полихлорвинил. Уэйн подтвердил, что я приняла правильное решение: все водопроводчики использовали металлопластиковые трубы. И они, определенно, лучше подходили начинающему водопроводчику, которым, как ему подсказало чутье, я и была.

К следующей пятнице мы закончили с водопроводом, и я вызвала городского инспектора, чтобы он принял работу, и я могла подключить воду. Когда он приехал, Пит с Ре-Питом делали крышу. Мне хотелось ущипнуть себя, чтобы проверить, не сон ли это.

Инспектор поздравил меня с проделанной работой и расписался. Никаких протечек. Но затем он все испортил, сказав: «Давно уже вам пора делать крышу. А то второй этаж у вас поедет от всех этих дождей».

Я подождала, пока он отъедет подальше, чтобы сказать: «Спасибо, капитан Очевидность», — а затем занялась подключением внешних смесителей. Я почувствовала, что потерпела поражение, так как Питу пришлось прийти и доделать их за меня, но мой боевой дух немного воспрял после того, как на следующий день я смогла самостоятельно собрать водопровод в гараже. Правда, у нас потом неделями стоял огромный таз в раковине, потому что я не сообразила, как подсоединиться к сливу. Не все сразу.

К концу мая у нас была крыша. Мы все еще серьезно отставали от графика, так что я сомневалась, что смогу закончить к сентябрю. Я убеждала себя в том, что следующие задачи окажутся проще, чем я думала, несмотря на тот факт, что до сих пор все оказывалось раз в десять, а то и в тысячу сложнее.

Оптимистки — самые безнадежные из непонятливых учениц.

Следующая загвоздка возникла во вторник вечером, когда я пыталась проложить железную трубу для гриля вдоль прачечной и вывести ее на заднем крыльце. Как обычно, выяснилось, что установить ее куда сложнее, чем я думала.

Но наш поздний ужин в тот день проходил в приподнятом настроении, и я выбросила из головы графики, деньги и тревоги. Дрю не спустился к ужину, отправив сообщение, что он плохо себя чувствует и ложится спать. Он не хотел, чтобы я принесла ему поесть, и попросил меня перестать его спрашивать.

Тогда я не заволновалась. Мы с девочками посмотрели кино, и Джада помогала Роману строить башни из кубиков, которые он потом торжественно ломал, изображая звуки взрыва.

На следующее утро Дрю послал сообщение, что он не идет в школу. Он все еще плохо себя чувствовал. Нет, ему не нужны лекарства, и он не голоден.

Я задержалась на работе и попросила его написать, если он хочет имбирный эль или крекеры из магазина. Он не писал мне весь день.

В этот вечер, когда он снова отказался выйти из комнаты, я поняла: что-то случилось. После того как он перенес отит в два года, он болел, может быть, пару раз за всю жизнь. Вся семья валилась с гриппом или простудой, но он никогда не заражался. Я сказала об этом Хоуп, и у нее в глазах загорелся опасный огонек. «Если что-то происходит в школе, я смогу это выяснить за пару минут».

Она оказалась не права. Плохие новости находятся так легко, что ей потребовалось секунд тридцать. Дрю был на восемнадцать месяцев младше нее и учился в другом классе. На два класса младше. Она бы давно узнала о том, что произошло, если бы его занятия не закончились на пару недель раньше, чем у девятиклассников. Она дала мне телефон, на котором были открыты местные новости под слоганом «Всегда все самое новое!»

Я сразу узнала имя в заголовке. Один из друзей Дрю — не лучший друг, потому что лучшего друга у него не было, — просто мальчик, которого он достаточно хорошо знал, чтобы играть с ним в видеоигры, — погиб в ужасной автоаварии. Фотографии разбитой машины бросали в дрожь. В долгосрочной перспективе все мысли, которые пробежали в моей голове, были лишены смысла. Может, он набирал СМС? Пристегнул ли он ремень? Были ли он пьян или употреблял наркотики?

Он был чьим-то сыном. Чьим-то братом. Чьим-то внуком. Чьим-то другом — другом Дрю. И он был мертв.

Меня огорчило то, что Дрю пытался справиться с горем самостоятельно. Он заперся от людей, которые так сильно его любили

и, несомненно, постарались бы ему помочь. Но я могла его понять. Он чувствовал себя единственным мужчиной в доме и полагал, что мужчина должен быть сильным, должен все контролировать и ни на кого не опираться. Как старшая в доме, я уже поняла, что быть взрослой и быть лидером означает совершенно противоположное. Это означает, что иногда нужно просить помощи, даже если это даст кому-то другому повод почувствовать себя сильнее, даже если кто-то посмеется над твоей методикой прокладки труб. Самое важное в лидерстве — уметь в нужный момент понять, что ты не контролируешь ситуацию.

Отец старших детей до такой степени отстранился от семьи, что мне иногда приходилось напоминать себе о том, что его жизнь как-то должна на нас влиять. Он растворился в воздухе вскоре после развода, несколько лет не работал, отучился в колледже, потом женился еще два раза и ушел в армию. Пока мы строили поместье «Чернильница», он находился в Ираке и время от времени присылал детям электронные письма, где рассказывал о бомбардировках и прочих кошмарах зоны военных действий. Неудивительно, что Дрю было сложно разобраться со своей жизнью.

Я постучала в его дверь, и когда он крикнул, что устал, я все равно вошла.

— Я прочитала о Дереке, — сказала я, садясь на край кровати. Дрю лежал на животе, отвернувшись от меня. Его плечи начали вздрагивать от тяжелых рыданий. Я положила руку ему на спину, и он ее не стряхнул. Мы плакали вместе, пока наши носы не опустились и не перестали дышать.

— Хочешь пойти на похороны? Иногда бывает полезно оказаться рядом с другими людьми, которые чувствуют себя так же. Прощаться.

Он покачал головой.

— Подумай об этом. Ты не обязан идти. Люди по-разному справляются с горем. Если не хочешь на похороны, это нормально, но найди свой способ, поищи его. Хорошо? Нужно двигаться вперед. Жить дальше.

Он кивнул.

Мне было, что еще сказать, но я не знала, как это сделать. Меня обидело то, что он мне не открылся. Впрочем, нет, не так уж и обидело. Дело было не в моих чувствах.

— Я знаю, как ты себя чувствуешь. Иногда я сама притворяюсь, что все в порядке, вру, чтобы все казалось получше, хотя очевидно, что мы все катимся в ад в корзинке для белья. Ну вот, в такие моменты я чувствую то же самое. Я думаю, что Хоуп тоже. Мы больше не врем. Понимаешь? Мы справляемся с проблемами все вместе. Это единственный способ справиться с твоей бедой... и с любимыми другими.

Он снова кивнул.

— И тебе нужно что-то есть. Пожалуйста, постарайся не увязнуть в своем горе. Хочешь, я принесу тебе что-нибудь, или ты к нам спустишься?

Это был старый родительский трюк — предложить два варианта, оба из которых приводят к одному результату. Формулировать вопрос нужно так, чтобы в ответ нельзя было просто кивнуть или покачать головой. Я совершенствовалась в этом искусстве с тех пор, как старшие дети стали подростками.

— Я бы лучше поел тут.

Я улыбнулась. Он говорил хрипло и в нос, но все же говорил.

— Я скоро вернусь, — сделав пару шагов, я остановилась. — Я люблю тебя. И мне очень жаль, что так вышло.

Он снова плакал, когда я выходила. Да и я тоже. Но теперь это были тихие слезы, которые означают, что ты прощаешься как с человеком, которого потерял, так и с первым приступом горя.

Он поел тем вечером, но так и не вышел из своей комнаты. В субботу утром я поинтересовалась, чем он хочет заняться, и он сказал, что хотел бы остаться дома. Я этого ожидала, зная, что если он останется, то сможет и погоревать, и немного отдохнуть от тяжелой работы.

— Вот что. Посиди тут до полудня, а потом я приеду за тобой. Мне нужна твоя помощь с наружными дверями. Нам остался день работы, и мы сможем запереть «Чернильницу». — На самом деле нам требовалось дня три, если внезапно не окажется, что монтировать двери очень легко, но дело было в принципе.

Он кивнул, немедленно взбодрившись. Каждому нравится чувствовать, что без него нельзя обойтись. Я хотела подарить Дрю это чувство, тем более так все и было. Я не могла строить дом без него. На стройке каждый играл свою роль, и роль Дрю была одной из главных.

Электрики начали сверлить дыры и протягивать провода, но я подозревала, что бóльшая часть времени у них уходит на перекуры. Они не особенно переживали из-за того, насколько мы отстаем от графика, да и вообще ни о чем особенно не волновались. Даже тот факт, что дом не был полностью водонепроницаем, не тревожил их. Мы покрыли крышу рубероидом, но гонт на него еще не положили. Кровельный материал должны были привезти в пятницу, и я наняла ребят, чтобы его уложить, — друзей наших соседей из ресторана Чико.

Я немного беспокоилась о том, привезут ли гонт, и еще больше о том, приедут ли кровельщики. Пит многому меня научил за время строительства, и в первую очередь тому, что работники очень гибко подходят к своим обещаниям.

Мы с Хоуп и Джадой носили коробки с паркетом по лестнице и складывали их в центре дальней спальни. Сто восемьдесят

квадратных метров паркета занимают много места, и, чтобы их переложить, нужно немало сил. Мы должны были заняться изоляцией и гипсокартоном, как только электрики закончат работу, а для этого требовалось как можно больше места. Но наша мастерская была забита оборудованием, светильниками, водопроводными трубами, не говоря уж об инструментах, так что паркет и кафель приходилось хранить в доме.

Роман уселся возле растущей горы паркета и раскрасил целую плашку толстым куском уличного розового мела. Он очень сосредоточенно тянул одну ноту, и этот звук вызывал такую головную боль, что нам с девочками хотелось заорать.

— А-а-а-а-а-а-а, — продолжал он, останавливаясь, только чтобы сделать вдох, а затем выпустить воздух все с тем же однотонным «А-а-а-а-а-а-а».

Я оставила Дрю в покое до часа, а потом заехала за ним. Если бы у нас были лишние деньги, я бы купила немного бургеров. Но денег было в обрез, так что нам повезло, что у нас еще оставались хлеб, мясо и сыр на ланч. Мы бы с удовольствием перекусили папиной индейкой, хотя до того думали, что не захотим ее видеть еще миллион лет.

Эффект моей небольшой мотивационной речи иссяк, и огонь, который, клянусь, я видела в глазах Дрю, угас. Он оставался раздражительным и вялым, даже после того как увидел, сколько работы мы без него переделали, и после того как он помог нам ее закончить. До точки его довело именно пение Романа. Вернее, оно его, наконец, раскочагло. Монотонное «А-а-а-а-а» сводило меня с ума, так что я решила включить диск Дрю. Музыка на нем была пободрее. И к третьей песне Дрю начал бесшумно вторить словам. Он еще не подпевал, но это уже был шаг в нужном направлении. Не все сразу. Я училась ценить наши маленькие шаги не меньше, чем лунный шаг Нила Армстронга.

В какой-то исторический период люди — по крайней мере, в США — стали больше чувствовать, чем делать. Вместо того чтобы браться за работу и решать свои проблемы, мы стали собираться в круг и разговаривать о них или пытаться утопить их в алкоголе и таблетках. Новые методы, судя по всему, не очень-то помогали. Древние ритуалы инициации всегда концентрировались на поступках. Ребенку нужно было выполнить какое-то физическое действие, например побороть демона в темном лесу, чтобы стать мужчиной или женщиной.

Дрю забил кривой костыль пневматическим молотком, чтобы мы могли снова попробовать установить в гостиной французские двери. Он действовал, он боролся с демонами, и я не сомневалась, что он выйдет из этого испытания мужчиной. Строительство было не менее полезно, чем недели, проведенные в одиночестве в лесу в поисках духовного учителя. Все мы проходили через древний ритуал, в котором нужно разрушить себя до основания, чтобы возродиться на другой стороне и стать сильнее.

Тонкая красная линия стекла по краю ладони Дрю, по его запястью, к локтю. Наверное, порез был небольшим, но кровь капала на бетонный пол, смешиваясь с потом. У меня тоже хватало синяков и ссадин. Нам всем досталось. Нас украшали злые радуги кровоподтеков. Можно было подумать, все те страдания, что мы перенесли за эти годы, наконец стали выступать на коже, чтобы отболеть и исчезнуть.

В этот день дом ощущался живым существом, которое помечало нас, клеймило как свою собственность, а мы клеймили его в ответ похожими на звезды каплями крови и ДНК, остававшимися на шляпках криво забитых гвоздей и остриях заноз. Я вдруг представила, что Кэролин была не женщиной, а домом. Я задумалась: а что бы я увидела, если бы теперь вернулась к дому, разрушенному

торнадо? И у меня возникла странная мысль, что он исчез: его, должно быть, поглотила земля и выплюнула снова на поверхность по частям, из которых мы и возводили поместье «Чернильница». Дрю снова взмахнул молотком, выбивая дух сопротивления из невинного куска узловатого дерева. Его плечи поникли, его собственные силы сопротивляться почти иссякли.

Да, мы создавали вещи. Каждый взмах молотка делал моего сына сильнее, изгоняя его тоску. К концу дня у нас будет одна или две новые двери, и мысль об этом заставила меня улыбнуться. Впервые за много лет мы без страха могли шагнуть в открытую дверь.

Гонт не просто привезли днем в субботу, его сгрузили прямо на крышу. Роман смотрел на конвейерный подъемник как на корабль, отправляющий инопланетян обратно на их родную планету. В качестве бонуса на следующий день явились еще и кровельщики. И совсем счастливой меня делало то, что я пока могла спокойно оставаться на уровне земли.

Предполагалось, что Пит придет и поможет мне с канализацией, но он не явился. Мы с Дрю сумели установить последнюю дверь. Это далось нам непросто. Я уже начинала беспокоиться, что он наслушается от меня плохих слов, но вместо этого сама узнала от него несколько новых выражений. Установка окон и дверей не вошла в список наших любимых занятий. Учитывая пять спален, гардеробные, три ванных, прачечную, кладовку, библиотеку, каморку Гарри Поттера, гараж и четыре внешние двери, нас ждало будущее, полное дверей. Более того, в библиотеке предстояло установить сложные распашные двери, так что их можно было считать за две — если бы, конечно, кто-то считал.

— Как только мы приедем гипсокартон, мы и правда сможем все тут запереть! — сказала я, поднимая руки, чтобы меня обдало ветром, врывающимся в окно.

— В смысле, если мы разберемся, как взрывать замки, — сказал Дрю, и я поняла, что привыкаю к раздраженному тону, которым он разговаривал последние несколько дней.

— Ну да, а еще стоит подумать о том, не догадается ли кто-нибудь кинуть кирпич в окно, — откликнулась я, подражая его ворчанию. — Или, черт возьми, взять пилу и прорезать проход прямо в стене, раз уж на то пошло.

Эта мысль застала Дрю врасплох, и я пожалела о своей вспышке. Мы строили поместье «Чернильница», чтобы чувствовать себя в безопасности, чтобы забыть о безумном мужчине, который мог бы взять пилу и прорваться через стены обратно в нашу жизнь.

— Я знаю, что работа идет медленно, но мы двигаемся. Хочешь перебраться наверх или еще займемся первым этажом? — спросила я. Теперь, когда мы вернулись к медленно продвигающимся делам, впереди была сплошная работа и никаких развлечений.

Дрю вытер лицо, и я притворилась, будто не заметила, что он нарисовал еще один египетский символ рабства у себя на тыльной стороне руки. Он рисовал такие по крайней мере неделю. Наше продвижение вперед напоминало марш сквозь пудинг.

Бежим как стадо черепах, сказала бы моя бабушка.

К следующим выходным почти вся канализация была готова. Мы закончили установку черной железной трубы для газа, и я очень боялась, что из-за меня мы все взлетим на воздух. Протечка воды — это неприятно, но утечка газа будет страшнее, чем бывший муж с тягой к ножам и зашифрованным посланиям.

В пятницу в наш старый дом приехал риелтор, а с ним — молодая пара с тремя маленькими девочками. Я в равной степени боялась того, что он продаст дом, и что он его не продаст. Если бы семья его купила, мы бы избавились от заложенного дома, который больше не могли себе позволить, и начали бы честную жизнь

без обязательств в «Чернильнице». Проблема в том, что нам негде было жить, пока стройка не кончится. Пока незнакомцы ходили по нашим спальням, мы заехали в ближайший парк и смотрели, как Роман качается на качелях: «Слишком высоко!» Наконец, риелтор дал нам знать, что можно возвращаться. Жизнь в доме, выставленном на продажу, заставляла нас чувствовать себя так, словно мы вот-вот лишимся крова. У нас было два дома, но не было надежного убежища. Дети ушли в свои комнаты после позднего ужина, и Роман отправился вслед за Джадой.

Я приветствовала тихий закат, надеясь, что Кэролин спустится с последними лучами солнца, чтобы поддержать меня и подарить мне немного сил. Я вымыла кухню в лучах заката, разочарованная тем, что моя воображаемая подруга не заглянула ко мне для воодушевляющего разговора. Последний луч солнца пересек горизонт, когда я затягивала мусорный мешок, чувствуя, как повезло мне жить во времена, когда даже мусорные мешки продают с ароматом горной свежести от Febreze.

— Пойдем, Херши. Пойдем, вынесем этот мешок, девочка, — я хлопнула ладонью по ноге, и собака поспешила вперед, стуча хвостом по стене.

Ночь была прекрасной, ясной и полной звездного света, и я поверила, что Кэролин все-таки со мной. Я прогулялась до угла гаража, чтобы закинуть мешок в бак, но никто не принес его с дороги. У нас была система, с помощью которой мы определяли, чья очередь прикатывать бак и чья очередь мыть посуду. На подоконнике в кухне стоял деревянный брусок с именами детей, напечатанными с разных сторон. После того как они разгружали посудомоечную машину, они разворачивали брусок новой стороной: забудешь перевернуть — и будешь делать работу два раза. Брусок побольше в гараже напоминал об уборке мусора. Мне не хватило энергии

на то, чтобы заставить кого-то из них выполнить свои обязанности, да и я была не против прогулки.

Херши рысила сбоку от меня, вынюхивая следы бурундука или кролика на каждом девятом шагу, гравий вылетал из-под ее лап, когда она бросалась к новой тропе. Недавно постриженная трава и дикий лук напоминали мне о мамином картофельном супе. Хор ночных насекомых, так скромно молчавших днем, заставил меня улыбнуться. Я едва не начала подпрыгивать на ходу. Возле мусорного бака огненные муравьи начали строить свой муравейник, и я сделала мысленную пометку поморить их прежде, чем они развернутся. Укусы раздражали детей и оставляли на мне огромные болячки. Это было недостаточной причиной, чтобы принимать лекарства, но укусы чесались по неделе, а то и больше.

Я закинула мешок в бак и оставила его на улице. Если бы я потащила его обратно по гравию, я заглушила бы ночные звуки, а у меня было настроение прислушаться. Я подняла руки, посмотрела на звёзды и почувствовала, как у меня в горле зарождается крик. Я сдержала его, думая о том, что бы я выкрикнула, на каком древнем языке. В моем сердце и разуме поселились какие-то новые чуждые мысли, и я чувствовала, будто совершаю удивительные открытия: я больше не была потерянной, испуганной душой. Я впервые ощутила дом внутри собственной кожи. Моя жизнь все еще оставалась далекой от идеала, но она двигалась в правильном направлении. Моя мама была права. Мы и правда со всем справимся.

Следующим утром Херши хотела выйти из парадной двери, а не задней, что обычно означало плохие новости, а не хорошие. Лабрадоры редко изменяют своим привычкам без причины. У детей начались летние каникулы, — если, конечно, в нашей жизни было место каникулам, — так что я составила для них список дел, прежде чем приоткрыть дверь. На крыльце лежал половик

в четкую черно-бежевую клетку. Никаких страшных посланий. Никаких знаков. Никаких причин, почему я должна высматривать подобные вещи. Я раскрыла дверь и сделала шаг наружу, одна нога на половике и одна на пороге.

На нашем узком длинном крыльце стоял маленький столик из бамбука и два подходящих к нему садовых кресла. Это был мой подарок на день рождения, маленький уголок, где можно читать за стаканом лимонада. Высоким стаканом лимонада со льдом и бумажной соломинкой в красную и белую полоску. Я закрыла дверь. Не только вишневую парадную дверь нашего дома, но и дверь, которая вела к страшным воспоминаниям о вещах, оставленных на пороге, и последних соломинках. Я просто устала тратить клетки своего мозга на прошлое.

Во время обеда на работе я с грехом пополам взяла интервью. Чтобы заработать денег на еду, я подрабатывала в газете штата, *Democrat-Gazette*, и писала статьи для главной страницы ее рекламного приложения. Было приятно отвлекаться от хаоса нашей жизни на местные новости об интересных людях, но мне было сложно оставаться объективной в своих статьях, а еще сложнее не засыпать над ними и укладываться в сроки, потому что я работала на стройке после заката и вставала до рассвета, чтобы заняться программированием. Я научилась хитрить: выслушивала самые важные ответы моих героев, а затем записывала половину статьи прямо во время интервью, пока они продолжали рассказывать о менее существенных вещах.

Днем мы отправились на стройку и пожалели, что не сделали этого утром. Поздний июнь на юге не прохладнее, чем июль. Казалось, что духота даже сильнее, чем в июле, потому что летние дождевые облака еще не испарились. Мои волосы от влажности завились тугими спиралями. Это был соблазнительный повод поработать внутри, но нас ждало слишком много дел снаружи.

— Готовь леса. Я выйду на минуту, — сказала я Дрю. Он знал свои обязанности, когда доходило до установки сайдинга. Джада побежала за ним, готовая прийти на помощь. Нам осталось прикрепить сайдинг на самом верху, но, в отличие от меня, Джада совершенно не боялась высоты.

Мы с Хоуп посмотрели на расчеты, которые один из столяров прикрепил к окну кухни. Я выбрала простые, необработанные шкафы и нарисовала базовый чертеж сама. Высокие дверцы шкафов доходили до потолка, а в их нижней части было больше ящиков, чем дверок. Ящики предназначались для сковород, полотенец, столовых приборов и хлеба. Я не любила рыться в глубоких шкафах, стоя на коленях. Над очагом должен был появиться декоративный деревянный фартук — центральный элемент интерьера. Я заказала репродукцию рисунка Да Винчи на мраморной плитке, комичные наброски пяти персонажей — юмор, запечатленный в камне. Репродукцию мы собирались установить над плитой.

Это была большая кухня, и так как Хоуп много готовила, она пришла в восторг.

— Это самый дешевый вариант из всех, — сказала она, компенсируя своей радостью мой скептицизм. — Все правильно?

— Он передвинул плиту. Мы потеряем высокий шкаф, но отодвинуть плиту от холодильника имеет смысл, — я пролистала до сделанного на компьютере изображения кухонной техники. — Мне это нравится. А ты что думаешь?

Она кивнула, явно воображая, как займется выпечкой.

— Я позвоню ему, прежде чем займусь сайдингом, — меня кухня не восхищала, но она была вполне хороша. Не дворец — и ладно, как сказал бы мой папа, имитируя южный акцент. Честно говоря, я просто устала принимать решения, и у меня не было времени раздумывать над этим.

Электрики объявились к ужину, улыбаясь и с трудом волоча ноги. Они сверлили дыры и протягивали провода с поразительной скоростью. Им впервые удалось меня приятно удивить, но потом пришла Хоуп, неся на бедре Романа.

— Мне кажется, у нас проблема с одной из труб.

Я сразу подумала, что речь, наверное, о воде, ведь в сточную трубу мы пока ничего не сливали. Но я забыла, что за дело взялись наши Труляля и Траляля. Они просверлили дыру в широкой канализационной трубе, которая шла от ванной при детской спальне через стену в моей библиотеке.

— Да вы возьмите эту, муфту, разрежьте ее пополам и заклейте дыру, — сказал Труляля. — Брус прикроет швы, и инспектор ничего не заметит.

Правильный способ починить дыру в трубе — это вырезать поврежденную секцию и вставить на ее место новую, закрепив двумя муфтами. Это было бы непросто, потому что нижняя часть трубы уходила в бетон, а верхняя — в потолок. У нас не было пространства для маневра. Но меня не устраивало идиотское предложение обмануть инспектора кривой заплаткой.

— Мы говорим о канализационной трубе, которая проходит через стену моей библиотеки! — сказала я. Ладно, возможно, я заорала. Я глубоко вздохнула. — Нам придется вырезать эту секцию. Вставить новую и проверить ее на утечки.

Слова «Черт вас дер!» я опустила, но по моей интонации о них можно было догадаться. Электрики не предложили мне помощь или возмещение ущерба, и я была не в настроении это обсуждать. Я вычту стоимость деталей из их гонорара и приложу чеки.

У нас в доме было электричество, по крайней мере, теоретически, но мы не могли им воспользоваться, пока не закрепили гипсокартон и не установили розетки и выключатели. Электрикам

я не очень-то доверяла и при этом знала, что починить за ними проводку после того, как все провода уйдут в стены, будет почти невозможно.

Самим справляться с бесчисленными делами тяжело, но ждать, пока другие сделают свою работу, гораздо тяжелее. Так что следующие несколько недель мы провели на грани нервного срыва, вдувая целлюлозную изоляцию, укладывая последние кирпичи и крепя последние листы гипсокартона. Мы много занимались уборкой и планированием снаружи и внутри дома. И вот, одним жарким июльским днем мы приступили к изоляции потолка в гараже. Стекловата должна была сделать мою комнату над гаражом более энергоэффективной.

— Тут реально за сорок градусов, — сказала Хоуп, проверяя свой телефон. — Это какой-то ад.

Я не хотела говорить ей, что заносить рулоны изоляции в гараж и устанавливать там лестницы — это самое простое. Мы купили рулоны стекловолокна толщиной пятнадцать сантиметров и собирались укладывать его в два слоя, чтобы получилось тридцать сантиметров изоляции под потолком. Но у пушистой стекловаты была бумажная обертка, и, если оставить ее, она бы рано или поздно отсырела. Это плохо. Так что я начала сдирать бумагу с половинки рулонов стекловаты, сперва поражаясь тому, насколько это проще, чем я представляла. Дрю брал ободранные мной рулоны и укладывал их на место, поверх рулонов с оберткой, а Хоуп шла за ним и прибавала бумагу степлером к потолочным балкам, чтобы все это держалось.

Когда я закончила обдирать бумагу, мы с Джадой запустили конвейер: она подавала изоляцию мне, я придерживала ее и прибавала электрическим степлером. Она также следила за тем, чтобы провод и длинные куски изоляции не путались между собой.

К счастью, самую сложную часть работы Роман проспал в дальнем углу мастерской.

Холодной зимой, когда мы носили теплую одежду, эта работа была бы утомительной. Но в жару защитные костюмы нас бы убили, так что перед нами встал выбор: умереть от теплового удара или одеться полегче. Нам было жарко, мы взмокли, и нас покрывали крошечные иглы стекловаты. Я еще никогда так отвратительно себя не чувствовала, это была работа, которую я бы не пожелала и врагу. Настоящий ад.

— Это хуже, чем облиться смолой и обсыпаться перьями, — сказал Дрю.

— По мне словно муравьи ползают! — застонала Джада.

— Я хочу умереть, — добавила Хоуп, и я молча согласилась с ними всеми.

Какое-то время мы обменивались шутками, потом жалобами. Но еще до того как мы сделали половину работы, мы слишком устали, чтобы говорить. Диск Дрю остановился — кто-то захотел нажать на кнопку Repeat, когда включал его, — и никто не стал тратить силы, чтобы снова включить музыку. Мы жестикулировали, когда нам что-то было нужно, ворчали, когда попадали по пальцам, и пили воду, когда нам становилось дурно от жары. Как бы плохо я себя ни чувствовала, было еще тяжелее видеть, как ослабели мои дети, которым не хватало сил даже на то, чтобы жаловаться и пререкаться.

Роман проснулся и выбрался из мастерской, сжимая в руках потрепанную плюшевую кошку Пикабу. Он постоял в дверях, глядя на нас, и мне не пришлось говорить, чтобы он не приближался. Он догадался, что чем бы мы ни занимались в гараже, это явно не было развлечением. Я дала ему коробочку сока из холодильника, и он уселся под дерево в свой шезлонг с цыпленком Твити, явно

ужасаясь нашим мучениям. Херши села рядом с ним, время от времени скуля от напряжения.

Мы прибили последний слой, когда солнце превратилось в пылающий шар беспощадного огня на горизонте. Мы не стали исполнять танец победы. Никаких торжеств. Никаких слов. Стекловата причинила нам столько боли, что явно выиграла эту битву.

Мы вымыли лица, руки и ноги из шланга, но это мало нам помогло. Наши одежда и волосы все еще были полны волокон стекловаты, которая осыпалась вниз, когда мы шевелились, и прилипала к влажной коже.

Душ с щедрой порцией геля, а потом щедрая порция лосьона для тела были единственным, что могло принести облегчение. Все еще молча мы убрали инструменты и сели в машину.

— Дерьмо, — сказал Дрю, показывая на вязанки арматурной проволоки, завалившие выезд. Мы попали в ловушку. Заблокированы. Бухты проволоки два на три с половиной метра доставили этим утром, и мы совершенно о ней забыли. Со временем проволока укрепит подъезд к гаражу и мастерской. Оставшуюся часть дороги к дому заасфальтируют, когда я в него въеду, так что на этом я сэкономлю деньги. Но сейчас важно было только то, что проволока загораживала выезд. Я подошла к ней, прикидывая шансы объехать ее, не врезавшись в дерево и не застряв в яме. Я бы могла рискнуть, если бы не вспомнила, что завтра утром нам должны привезти грузовик гипсокартона.

Я вернулась в мастерскую за парой перчаток, дети пошли за мной и молча разобрали перчатки в коробке из-под молока на левые и правые, не обращая внимания на цвет и размер.

Дрю и Хоуп встали с одного конца, а я взялась за другой. Проволока путалась, когда мы поднимали по два кольца сразу, а потом цеплялась за траву и кусты, когда мы оттаскивали ее на край

участка. В наш последний заход мы потащили три бухты сразу, чтобы не ходить лишний раз с одной. Мы почти не ели целый день и были на грани теплового удара. Если бы не уколы стекловаты, мы бы шли медленнее и осторожнее. Тогда бы я присмотрелась к десятисантиметровым остриям проволоки, торчащим с моей стороны, точно так же как я высматривала в траве медянок, которые, как мы знали, жили в окрестностях. Но мы устали. Мы были в отчаянии. И мы были менее осторожны, чем следовало.

Когда острое ржавого металла вонзилось в мою левую голень, я сначала подумала, что это просто царапина, что это моя усталость обострила боль. Но когда я наклонилась, чтобы взглянуть на рану, конец проволоки оказался короче, чем должен был быть, почти на пять сантиметров.

Я быстро выдохнула и вытащила острое из раны, словно отрывая пластырь, потому что у меня не было времени раздумывать. Больше всего меня злило то, что в этот отвратительный день на нас свалилась еще одна проблема, которую нужно решить. Поплилась густая кровь — не ровным потоком, а скорее в одном ритме с ударами моего сердца. В глазах у меня потемнело. Я падала в обмороки, когда у отца старших детей вырывали зуб мудрости и когда нижний зуб Джады пробил ей губу во время падения. В этот день обморок в поле был бы приятной передышкой.

— Мама? — голос Хоуп звучал неуверенно и напоминал голос ее младшей сестры.

— Мне нужно... — сказала я, оглянувшись вокруг в поисках чего-то, что можно наложить на пульсирующую рану, и ничего не находя. — Лента, мне нужен моток изоленды.

Я сняла левый ботинок и носок, замотала уже окровавленный носок вокруг дыры в ноге и осела в траву.

— Ты в порядке? — спросила Хоуп с посеревшим лицом и трясущимися руками.

— Это просто маленькая дырка. Где...

Дрю протянул мне моток серой ленты. Я обмотала ногу, чтобы закрепить носок. Разумеется, получилась не самая гигиеничная на свете повязка, но делать было нечего. Джада держала Романа и облокачивалась на машину. Все четверо смотрели на меня с ужасом.

Я сделала глубокий вдох, готовясь к тому, чтобы встряхнуться и успокоить их. Возможно, я бы сумела это сделать, если бы не посмотрела на мою ногу. Носок пропитался кровью. На выдохе я нагнулась, и меня стошнило в траву, буквально в сантиметре от ноги Дрю. Дело было даже не в самой ране, а в сочетании адского дня, жары и моего страха крови. Я просто не выдержала. Я подняла руку и помахала детям, словно все было в порядке, но это больше напоминало признание поражения, чем попытку их ободрить.

— Просто нужно сохранять давление и утром сделать прививку от столбняка. Буду как новенькая.

Хоуп отвезла нас домой в гробовом молчании.

Мы молчали, во многом из-за усталости, что правда, то правда. Но когда-то моя мама научила меня правилу: «Говори, только если хочешь сказать что-то приятное», а я не знала, что приятно-го я могу сказать.

Наша усталость перешла всякие границы, и у нас не было слов, чтобы ее описать. Нам осталось сделать так много, и задача управиться в срок казалась все менее достижимой с каждым днем. А я хотела, чтобы мои дети ходили на свидания и ели спагетти с фрикадельками вместо крекеров и тушенки на ужин. Я хотела продать дом, в котором мы жили, и чтобы новый дом стал нашим жилищем, а не самой тяжелой работой в моей жизни. Я хотела

снова отправиться в отпуск с моей мамой и позвать с нами отдохнуть и моего папу.

Я хотела, наконец, сама побыть несчастной и поручить кому-то другому задачу всех поддерживать. Но в этом и заключается работа матери. Так что я выбросила из головы плохие мысли и отправила всех мыться и ужинать. Нужно было двигаться вперед, всех подбадривать и помогать всем усердно работать над тем, чтобы наладить нашу жизнь.

Я ведь уже говорила, что я оптимистка?